

Проблема типологии культур: между Западом и Востоком

Мартынов В. Ф.

Частное учреждение образования

«Институт современных знаний имени А. М. Широкова», Минск

В статье раскрывается проблема идентификации культур, выявляются фундаментальные черты белорусской культуры в контексте типологизации русской, западной и восточной культур, обосновываются причины трагедийности восточнославянского мира в двадцатом столетии, раскрываются базовые модели развития белорусской культуры и перспективы ее развития в структуре мирового пространства. Процессы глобализации привели к пространственному сближению культур, усиливая противоборство различных ценностных установок, проверяя на прочность национальные приоритеты. Не случайно в этом мировом горниле не только обострились этнические столкновения, но и заметно возрос интерес к специфике национального самосознания, самобытности культурного развития. Без понимания собственной идентичности невозможен поиск своего пути. Какое же место занимает белорусская культура в системе различных типов культур – вопрос, на который отвечает автор.

Ключевые слова: глобализация, тип культуры, идентификация, мировоззренческие доминанты, менталитет, эмпатия, модели культуры.

(Искусство и культура. — 2013. — № 2(10). — С. 72-80)

Problem of Typology of Cultures: Between the West and the East

Martynov V. F.

Private owned educational establishment «Institute of Modern Knowledge
named after A. M. Shirokov», Minsk

Problem of identification of cultures is disclosed in the article, fundamental features of Belarusian culture in the context of typologization of Russian, Western and Eastern cultures are identified, main features of the tragic character of Eastern Slavic world in the XX century are grounded, basic models of the development of Belarusian culture as well as perspectives of its development in the structure of world space are described. Globalization processes have resulted in spatial nearing of cultures strengthening the counter fight of different values, checking the strength of national priorities. It is not by chance that in this world boiling pot not only ethnic struggle aggravated but also interest in specificity of national self esteem, own cultural development considerably increased. Without understanding one's own identity the search of one's own way is impossible. Which place Belarusian culture takes within the system of cultures of different types is the question which the author answers.

Key words: globalization, culture type, identification, world outlook dominants, mentality, empathy, culture models.

(Art and Culture. — 2013. — № 2(10). — P. 72-80)

Существует мнение, что белорусская культура не имеет ярко выраженной доминанты. Она тяготеет к транзитивности, маргинальности, размытости, эклектичности. Существуют культуры более яркие, имеющие прочный стержень, устойчивое ядро. Таковыми были египетская, древнегреческая, немецкая, итальянская, французская,

индийская, арабская, американская. Эти и некоторые другие культуры смогли создать глобальные мифологические, религиозные, философские, научные, нравственные, художественные системы. Возникает вопрос: есть ли у белорусской культуры свой стержень, свое ядро, доминанта, позволяющая ее идентифицировать, понять специфику,

Адрес для корреспонденции: e-mail: martynov.vf@tut.by – В. Ф. Мартынов

выявить ее роль и найти место в мировом цивилизационном процессе?

Можно со всей определенностью сказать, что в ходе своего длительного развития белорусская культура смогла аккумулировать богатейший духовный опыт, выковать жизнеспособные культурные традиции, в которых воплотились уникальные мифологические, религиозные, художественные, нравственные ценности, философские идеи. Однако процессы урбанизации и глобализации усилили противоборство различных ценностных установок, существенно деформировали достижения традиционной культуры, эклектизируя национальное культурное пространство, размывая этническую идентификацию, разрушая историческую память.

Вот почему поиск своего, самобытного пути, сохранение и приумножение духовного наследия приобретает особое значение в эпоху массовизации сознания, обезличенности, унификации, всевозрастающего потребительства, широкого распространения утилитарных установок.

Цель статьи – выявление особенностей отечественной культуры в кроссцивилизационном пространстве и времени.

Не случайно современное общество нацелено на интенсивный поиск ценностных ориентиров, духовных приоритетов, которые могли бы привести к большей стабильности, устойчивой консолидации, раскрытию творческого потенциала каждого человека. Однако реальное поступательное движение, утверждение качественно иного уровня духовного развития происходит достаточно сложно, противоречиво именно потому, что новый мир XXI века вырастает из трагедийности, глубинных потрясений XX столетия. Эта обжигающая, конфронтационная эпоха повлияла и еще долго будет влиять на развитие Беларуси, Украины и России. Ведь в результате социальных коллизий XX в. восточнославянский мир потерял десятки миллионов человек. Миллионы русских, белорусов, украинцев эмигрировали в зарубежные страны. Еще большее количество было искалечено нравственно в процессе длительного идеологического манипулирования.

Каковы главные причины, которые предопределили трагедийный облик восточнославянского мира в XX столетии и нанесли мощный удар по культурной идентификации?

Восточнославянский мир: трагедийность культуры. В первую очередь, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что культура восточных славян – это культура великого парадокса. На карте мировой истории этот мир представляет собой один из самых динамичных, значимых, богатых духовными достижениями культурных центров. И в то же время цивилизация восточных славян – предельно амбивалентная, мятежная, непредсказуемая, склонная к апокалиптическим проявлениям. Именно в XX веке этот мир пережил такие мощные разломы, разрывы, потрясения, от которых любая другая культура вряд ли могла бы оправиться.

Поразительнее всего и то, что до трагического перелома (1917 г.) восточнославянский мир находился в состоянии интенсивного творческого подъема. Для русской культуры XIX век – «золотой», который органично переходит в «серебряный» (нач. XX в.). Это период величайшего обогащения культуры благодаря творчеству Пушкина, Лермонтова, Островского, Гоголя, Достоевского, Чехова, Толстого, Герцена, Блока, Есенина, Маяковского, Розанова, Соловьева, Ключевского, Федорова, Бердяева, Булгакова, Флоренского, Циолковского, Менделеева, Вернадского, Рериха, Глинки, Чайковского, Репина и многих других. Белорусская культура блистает такими именами, как Дунин-Марцинкевич, Колас, Купала, Богданович, Шагал, Малевич, Бахтин, Выготский, Соллертинский, Обдиралович и т. д. Все это убедительно доказывало духовную зрелость и мировую творческую высоту восточнославянских народов.

Однако начиная с 1917 года восточнославянская цивилизация впадает в состояние изматывающей, кровопролитной борьбы, глубинных деструктивных процессов. Как понять эту трагедийность?

Так как инициатором и эпицентром конфронтации становится русская цивилизация, которая потянула за собой весь восточнославянский мир, необходимо обратить внимание на одну устойчивую тенденцию в ее длительном развитии.

Дело в том, что русская культура всегда функционировала в зоне действия очень широкого диапазона. Она балансировала между двумя крайними полюсами: Востоком и Западом. Это двойственность, или

бифуркационность, требовала от культуры способности к глубокому синтезу, интеграции двух генеральных линий мирового развития, что является крайне трудной задачей. Ведь назначение любой культуры – не просто заимствовать, повторяя, копируя, но, обогащаясь иным опытом, торить свою дорогу, реализуя самобытное, неповторимое, уникальное, присущее только ей.

К сожалению, существуя в необъятном полярном духовном пространстве (Восток–Запад), восточнославянская культура, и прежде всего русская культура, стала мимесической, подражательной, эклектичной, импортируя, в первую очередь, западные ценности, усваивая скорее элементы азиатчины, а не восточной культуры, изменяя своей самобытности. Дело в том, что не китайская, не индийская, не арабская оказали воздействие на развитие русского менталитета. Монгольская империя на 250 лет заблокировала естественное развитие русской культуры. Необходимо подчеркнуть, что в XIII веке монгольский народ жил родовым строем. Действовал обычай кровной мести. Культура была кочевой, военизированной. Исследователи архаических культур отмечают, что земледелие вырабатывает у народов миролюбивый характер, создавая предпосылки для гуманизма. Земледельческий характер жизнедеятельности формирует гармоничные связи человека с миром природы. Отсюда проистекает культ природного мира. У кочевника-скотовода на основе присваивающего хозяйства формируется иная логика. Здесь главенствуют постоянная борьба за пастбища, набеги на оседлые народы. Племена кочевников хищнически эксплуатировали степные просторы Азии, способствуя образованию пустынь. Поэтому идеалом здесь становится жестокий, непреклонный, выносливый всадник-кочевник. Именно в таком духе монголы обучали своих детей. Военная доминанта определила развитие монгольской культуры. В полной мере разрушительную силу монголо-татарского ига испытала на себе русская культура. В XII–XIII вв. 66% русских городов, подлинно культурных центров, было разорено и сожжено. Но протяжении 250 лет орда совершала опустошительные набеги. Связи с Западной Европой в это время заметно ослабли. Особенно негативное воздействие

монголов сказалось на развитии характера русского народа. Татарское иго породило чувство отчаяния, безнадежности, унижения, вырабатывая грубость, хитрость, неискренность, лицемерие, угодничество, холопскую, рабскую психологию. Следствием нашествия явилось резкое падение грамотности, правовой культуры. Внедрение захватнической психологии повлияло на процесс превращения русской культуры в цивилизацию масштабных полярностей, крайностей, которую разрывали на части бифуркационные процессы.

Более того, органичный, естественный, эволюционный рост восточнославянской культуры нередко нарушался революционными скачками, нацеленными на внедрение заимствованных образцов.

Первое заимствование, которое отражает признание несамодостаточности восточнославянских племен, происходит в IX веке. Так как кривичи, новгородцы и другие племена не могли мирно ужиться друг с другом и постоянно вели междоусобные войны, то они решили: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил все дела справедливо». И отправили послов к варягам, сказав: «Земля наша велика и обильна, да порядка в ней нет, пойдите княжить и владеть нами» [1, с. 33]. Так в культуру внедряется скандинавский элемент.

С конца X века осуществляется первая революция сверху, целью которой было искоренение языческой веры и принятие греко-православной версии христианства. Несомненно, что христианские ценности оказали гуманизирующее воздействие. Однако, созрел ли восточнославянский мир для принятия христианской веры? Не будет ли связан будущий разгул атеизма в XX в. и с тем, что крещение осуществлялось скоропалительно и насильственными методами. Как отмечал С. М. Соловьев, «из ниспровергнутых идолов одних рассекли на части, других сожгли, а главного, Перуна, привязали лошади к хвосту и потащили с горы. Когда волокли идола в Днепр, то народ плакал» [2, с. 175]. А новгородцев крестили «мечом и огнем». Славянский мир надолго раскололся на сторонников новой и старой веры.

С этого времени русская земля составляла одну из епархий, которая подчинялась патриарху в Константинополе. А исконная вера – язычество – становится «поганством».

И главная проблема здесь заключалась в том, что органичного впитывания христианских ценностей языческий восточнославянский мир не знал еще долгое время.

В XVIII в. в государстве Российском осуществляется вторая революция сверху, которая отразила проведение петровских реформ. Еще до Петра I была сформулирована задача: «Все делать по примеру сторонних чужих земель» (имелось в виду – земель западноевропейских). Не случайно, когда в XVII в. при царе Борисе отправили учиться в Германию, Англию, Францию 18 молодых людей, ни один из них не вернулся обратно.

Реформы Петра I усилили вестернизацию России. Ибо смыслом петровских преобразований была не забота о духовном развитии общества, но укрепление могущества государства на основе технологического перевооружения промышленности, армии, флота, развития естественных наук. И эта задача была блестяще выполнена.

Но одновременно произошла фундаментальная ломка традиционной русской культуры. Именно с петровской революцией Карамзин связывал «подавление духа народного, составляющего нравственное могущество государства» [3, с. 195].

С этого момента усилился внутренний раскол между народом и дворянами. Общеизвестно, что в это время весь дворянский быт был пронизан французским духом. Высшие круги общества французским языком владели лучше, чем родным. Русский язык превратился в мертвый язык. Дворянских детей воспитывали и обучали французы.

В XIX веке в лоне индустриальной цивилизации, в Германии, рождается очень жесткая, рационалистическая идеология – марксизм. Но реформирование общества на основе марксистской идеологии стало осуществляться не на родине К. Маркса, не в других, наиболее развитых капиталистических странах (Англия, Голландия, Франция и т. д.), которые с точки зрения марксистской теории подходили для этого более всего.

Именно в России совершается самая грандиозная и масштабная, самая бескомпромиссная и самая трагичная за всю историю существования мирового сообщества марксистско-ленинская революция. Произошло самое страшное заимствование, которое раскололо восточнославянский мир в

изматывающей, непрекращающейся гражданской войне, оторвало от национальных корней, традиционных культурных ценностей, христианства, пробудило в миллионах людей ненависть и самые низменные инстинкты. О результатах революционных преобразований очень точно сказал русский философ Г. П. Федотов в своей работе «О национальном покаянии»: «Большевизму удалось воспитать поколение, для которого нет ценности человеческой души – ни своей, ни чужой» [4, с. 42].

В XXI веке импортирование западных цивилизационных образцов остается достаточно интенсивным, что проявляется в нарастающей рационализации, прагматизации во всех сферах культуротворчества, утрате подлинного единства братских народов.

Вместе с тем исторический опыт убедительно свидетельствует, что возрождение и развитие восточнославянской культуры (которая по своим архетипическим проявлениям гораздо ближе к восточному, чем к западному, менталитету) возможны не на путях западной рационализации жизни. По своим фундаментальным устремлениям восточнославянский мир представляет собой эмпатический тип культуры, которая способна успешно реализовать свои творческие инициативы благодаря интенции к внутреннему преображению, культивированию душевной чувствительности на основе восстановления прочных духовных связей с богатейшими традиционными ценностями, аккумулирующих почитание природной красоты, гуманистический опыт предков.

Только в этом случае творческий потенциал восточных славян объективируется в полной мере без революционных катаклизмов и потрясений. Но здесь возникает еще одна сложная проблема: в чем заключается специфика белорусской культуры? И можно ли вести речь о белорусской модели образования, максимально учитывающей самобытность белорусской культуры? С этой целью необходимо исследовать основные парадигмы развития белорусской культуры, выявить мировоззренческие доминанты каждой модели.

Основные модели развития белорусской культуры. За свою многовековую историю белорусская культура проходила различные этапы духовной динамики. В период ранней архаики белорусский мента-

литет отражал значимость не столько космоцентризма, сколько природоцентризма, основанного на антропоморфизме и воплощающего веру в божественные силы природы, почитание многоязычной первозданной реальности, многоголосья естественного бытия. Наши древние предки чувствовали, в первую очередь, близость к Земле. Поэтому одушевлялись леса, поля, водоемы, болота. Так рождались известные персонажи славянской мифологии: Велес, который изначально покровительствовал охотникам; Мать-Земля как мать всего живого; дух леса Аука; лесной дух, живущий в непроходимой пуще – Пущевик; дух болота Болотняник; дух рек и озер Водяной; духи предков Деды; демоническое существо, обитающее в лесу на верхушках деревьев, – Див, а также Лесуны, Лешие, Русалки, Баламутень, Лозники, Хапун, различные представители подземного мира. В то же время почитались и такие мифологические персонажи, воплощающие небесные силы, как Белбог, Перун, Сварог, Дажьбог, Стрибог, Род (бог Вселенной, живущий на небе, давший жизнь всему живому).

Вытеснение присваивающего хозяйства производящей экономикой приводит к локализации природоцентризма, ослаблению зависимости от стихийных сил природы и культу плодоносящих сил земли, возделанной человеком. Углубляется практическое осмысление природы, возрастает роль культурного отношения к самой земле, и в итоге объективируется такой тип мироощущения, в основе которого находился землецентризм, отражающий процесс формирования ценностного отношения к миру с точки зрения возрастающей значимости земледельческого труда. Роль большинства прежних персонажей постепенно теряет статус мифологических и приобретает характер сказочных. Однако культура по своей сути остается еще языческой. Можно предположить, что в это время особую роль играли такие мифологические существа, как Ярило (божество пробуждающейся природы, отождествлялся с солнцем: где Ярило пройдет – будет хороший урожай, на кого посмотрит – у того в сердце разгорается любовь), Коляда, Купало, Макоша (или Макошь – богиня урожая, изобилия, божество женской жизненной энергии), Чур (бог очага, оберегающий границы земельных владений, защищающий

право собственности), Лада (богиня любви), Белун (дух жатвы в образе старика со светлой бородой, в белых одеждах), Берегини (воздушные девы, оберегающие от злых духов), Доля (дух-покровитель человека, приносит богатство и удачу), Масленица, Полевик (дух, охраняющий хлебные поля), Хлевник (дух, живущий в хлеву).

Третья модель белорусской культуры отражает процесс христианизации восточнославянского мира. С конца X века осуществляется радикальная революция в мировоззрении человека, целью которой был прорыв к более высокому уровню духовности на основе принятия греко-православной версии христианства.

Возникает вопрос: насколько христианские ценности органичны менталитету белорусов, насколько глубоко сопрягаются они с архетипическими особенностями белорусской культуры (ибо они существенно вытеснили исконные языческие ориентиры)?

Существует мнение, что белорусская культура не имеет ярко выраженной доминанты, что она тяготеет к маргинальности, транзитивности, размытости, эклектичности в отличие от культур, которые имеют свой стержень. Таковыми были египетская, древнегреческая, немецкая, итальянская, французская, арабская, японская и иные культуры. Именно эти культуры смогли создать универсальные мифологические, религиозные, философские, научные, нравственные, художественные системы.

Так есть ли у белорусской культуры свой стержень, который позволяет представить ее как единое, органичное целое? Или она настолько эклектична, что не поддается выявлению базовой константы?

Исследование духовного национального опыта показывает, что такой определяющий элемент, позволяющий реализовать свою самобытность в мировом цивилизационном процессе, есть. По своей ключевой направленности белорусская культура представляет собой эмпатический тип духовности, который аккумулирует способность человека к сопереживанию, душевной чувствительности, проникновенности. Именно этим объясняется ее толерантность, «рахманость», компромиссность, неприятие этноцентризма. Это объясняет и отсутствие в белорусской культуре философских, научных

систем и, вместе с тем, интенсивную художественную составляющую национального менталитета. Белорусская культура никогда не тяготела к экспансии, силовому давлению, рационализму, экстремизму.

Белорусский менталитет и восточный тип культуры. С этой точки зрения можно сказать, что по своему мироощущению белорусы близки восточной культуре, которая тяготеет к почитанию эмоциональных, душевных связей, коллективизму, а не индивидуализму. Не случайно менталитету белорусов очень близок японский тип восприятия красоты – ваби. Гармония ваби означает отсутствие вычурного, яркого, броского, витиеватого. Это обаяние простого, незамысловатого. Принцип ваби означает приятие бедности внешнего, скромность. Но позитивно воспринимая непритязательность внешнего, человек открывает красоту внутреннего, незримого. И только богатство человеческого духа позволяет высветить и понять ценность незаметного, глубину простого (фиалка в густой траве, одинокая лодка рыбака, увядающие маки). Так рождается проникновенный взгляд на всё явленное в этом мире:

*Росы не пролив,
Ветку цветущую хаги
Тихонько сорву,
Вместе с лунным сиянием,
С пеньем цикады.*

Сайгё

И белорусская культура знает множество примеров, когда стиль тишины, умиротворенности, многозначности природы привлекает поэта:

*Вецер павеяў,
Закалыхаўся зялёны чарот –
І ўзнікла размова.*

А. Рязанов

Проникновенный тип мироощущения, доминирующий в белорусской культуре, делает особенно близкой сердцу красоту васильков, олицетворяющих непритязательность, незамысловатость. Можно вспомнить классическое стихотворение М. Богдановича «Слуцкие ткачихи», где образ васильков становится символом родной земли:

*Ім не пабачыць роднай хаты,
Не ўчуць ім дзетак галасы.*

*Яны ў панскі двор узаты
Ткаць залатыя паясы.
І цягам доўгія часіны,
Аб шчасці ўжо забыўшы сны,
Свае шырокія тканіны
На лад персідскіх ткаць яны.
А за сцяной шляхі ў поле,
Шуміць чарэмха ля акна, –
І думкі мкнуцца мімаволі
Туды, дзе расцвіла вясна.
Там так вясёла і прыгожа:
Зіяюць срэбрам ручайкі,
І ў зялёных хвалях збожжжа
Закрасавалі васількі.
Там шчыры бор шуміць сувора...
Ты тчэш, бязвольная рука,
Заміж персідскага ўзора
Цвяток радзімы васілька.*

Пытаясь понять истоки творческой энергии одного из самых видных представителей белорусской культуры М. Шагала, поэт А. Вознесенский также обращается к образу васильков:

*Лик ваш серебряный, как алебарда,
Жесты легки.
В вашей гостинице аляповатой
В банке спрессованы васильки.
Милый, вот что вы действительно любите!
С Витебска ими раним и любим.
Дикорастущие сорные тюбики
с дьявольски выдавленным голубым!..*

Следует заметить, что именно василек может стать символом эмпатии, проникновенности, так как является самым распространенным, непритязательным, неприхотливым цветком. В мире насчитывается более 550 видов васильков, которые растут не только в Европе, но и в Африке, Америке, Австралии, Азии.

В то же время необходимо подчеркнуть, что, хотя белорусская культура по своей фундаментальной направленности близка восточной, есть и принципиальное отличие. Дело в том, что восточное мировосприятие является эмпатическо-мистическим, стремящимся к единству с Абсолютом. Восток – это непривязанность к мирскому, это преодоление земного притяжения, это образ парящей в небе птицы. В белорусской культуре эмпатия проецируется на близкое, локальное, на обжитое пространство. Сильно развитое чувство родной земли составляет характерную черту менталитета белорусов.

И если для восточного мироощущения Безграничное становится близким, интимным, притягательным, то для белоруса Близкое становится бесконечным (бесконечно значимым) благодаря пробуждению неисчерпаемых душевных сил. Глубокое сопричастие к родной земле позволяет отнести белорусскую культуру к типу корневой, древообразной. Весьма символично в этом плане произведение Я. Коласа «Адзінокае дрэва». Когда дерево остается абсолютно одиноким, так как все друзья его покидают, мудрый ворон дает ему практический совет: для того, чтобы выжить, необходимо «пусціць глыбей карэнні ў зямлю» [5, с. 464].

С этой точки зрения христианские ценности, которые нацеливают человека на богатство духовного, сдержанное отношение к материальному успеху, неприятие накопительства, культивирование смирения, терпения, душевной чистоты, сердечности, любви к ближнему и даже врагу, наиболее адекватно отражают эмпатическую направленность менталитета белорусов. В то же время самобытность мировидения белоруса накладывает свой отпечаток на интерпретацию Библейской духовности, что отражается в неизбывном стремлении в повседневной вере интегрировать христианскую картину мира и языческую, синтезировать любовь к земному и небесному.

Четвертая модель исторического развития белорусской культуры связана с насаждением марксистской идеологии как формы тотальной рационализации общества, радикального разрыва с архетипическими особенностями белорусской культуры, решительной модернизацией традиционного уклада жизни.

Наконец, с конца XX века начинается пятый этап в развитии белорусской культуры. Происходит постепенный поворот к христианским ценностям, которые нацеливают на развитие лучших человеческих качеств, внедряя в реальную жизнь принципы высшего гуманизма. Время показало, что значение христианских ценностей не только не померкло, но трагические коллизии истории с новой силой высветили их глубину и актуальность. Сегодня именно вера стала самой надежной основой для выживания в кризисное время и мощным фактором творческого обогащения белорусской культуры.

Вместе с тем, одновременно с процессом глобализации всё заметнее нарастает импортирование западных цивилизационных образцов, что проявляется в прагматизации человеческого «я», рационализации во всех сферах жизни общества (экономике, образовании, искусстве, науке и т. д.). Поэтому настоящий период развития белорусской культуры можно охарактеризовать как модель прагмохристоцентризма, т. е. одновременного существования двух ценностных центров – прагматического, рационального (западного), тяготеющего к культивированию в человеке индивидуализма, и христианского (восточного) как носителя коллективистского, соборного начала.

Безусловно, в силу своего географического положения культура Беларуси не могла не впитывать западноевропейские ценности. Поэтому белорусский менталитет характеризуется эмпатическо-практической направленностью, нацеленностью на стабильное земное обустройство. В нем отсутствует устремленность к метафизическим вершинам бытия.

Белорусский менталитет и западный тип культуры. Однако в мироощущении белоруса никогда не было того прагматизма, утилитаризма, индивидуализма, которые характерны для западной культуры. Последняя представляет собой рационально-прагматический тип духовности, основанный на культе интенсивной рефлексии, экспансии, что находит воплощение в целенаправленном развитии науки и техники. Все это приводит к релятивизации, децентрализации сознания в аксиологическом пространстве, что наиболее ярко проявилось в идеологии постмодернизма. Постмодернизация западного сознания связана с реализацией идеи технократизма, гипертрофированным динамизмом, столкновением полярных ценностных ориентиров. Известно, что постмодернистский взгляд на мир отражается в идеалах прошлого с их верой в прогресс, всеобщее торжество разума, оптимистическое будущее. Философов хаоса объединяет переживание случайности, неопределенности человеческого бытия, скептицизм в отношении гармонизации человека, отрицание надежных смысловых ориентиров, размывание граней между возвышенным и низменным, прекрасным и уродливым, добром и злом. Постмодернисты настаива-

ли на преодолении любого центризма, любых точек зрения, претендующих на роль универсальной системы, отстаивая самодостаточность фрагментарного, мозаичного знания, правомерность множественности интерпретаций текстов культуры и мира в целом. Исторический опыт показывает, что доминирование не сопряженных друг с другом многообразных трактовок мира, неопределенность, расплывчатость, выпадение из системы координат общечеловеческих ценностей могут легко привести к хаосу, нарастанию деструктивных процессов, массовому распространению маргинального типа личности, лишённого духовного центра, находящегося во власти аморфного мироощущения, порождающих двойные стандарты, а то и явно циничные установки. Наиболее яркой реализацией такого мировосприятия является американская цивилизация. Составляя 5% населения Земли, американцы потребляют примерно 45% мировой энергии. Вместе со своими транснациональными корпорациями США дают 66% всех отходов, загрязняющих природную среду. Прагматическая направленность американской линии жизни побуждает проводить государство силовую политику при решении всех международных проблем.

Белорусская культура тяготеет не к рационализму, ацентризму, экспансии, противоборству, но к гибкому, толерантному диалогу. В процессе длительного исторического развития она смогла осуществить синтез красоты и пользы, практически значимого и бескорыстного, что весьма убедительно отражено в известной притче М. Богдановича «Васильки»: «Не покладая рук трудился в поле крестьянин и вот видит: между житом выросли васильки. И сказал он в сердце своем: хлеб отнимают у меня эти синие цветы. Ведь тучные колосья могли бы взойти на месте васильков. Но еще с детских лет красоту их полюбила моя душа. Поэтому я не вырву их как сорную траву. Пусть растут и радуют, как в детстве, сердце мое» [6, с. 57].

Белорусский менталитет и русский тип культуры. Белорусская культура духовно близка русской культуре. Об этом убедительно свидетельствует длительная история их совместного исторического движения. Они близки настолько, что нередко отрицается какое-либо отличие. Обе культу-

ры объединяет осознание ценности душевного опыта, способности к сопереживанию, состраданию, стремление к коллективизму. И в то же время между русской и белорусской культурой существует одно принципиальное различие, ибо русская культура впитала в себя не столько дух востока, сколько азиатчины. Все это деформировало чистоту эмпатического мировосприятия. Русская культура стала формироваться как эмпатическо-экстравертивная, нацеленная на далекое. Кроме того, русский мир в силу своей колоссальной духовной мощи, «богатырских» возможностей стремился культивировать чувство всемирной отзывчивости, мечтая о решении глобальных задач (Москва – третий Рим; Россия – центр мирового коммунистического движения; «пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и т. д.). Россия постоянно порождала грезы о своей великой всемирно-исторической миссии. А на личностном уровне рождается известная шукшинская фраза: «Позови меня в даль светлую». Русская культура нацелена на формирование глобально-коллективистского «я».

Но энергичное, мучительно-напряженное движение к далекому, всемирному изматывало, вытягивая колоссальные творческие силы, вовлекая во внешнее, отвлекая от укрепления духовного пространства и порождая массовые формы трагедийности. Русская культура оказалась во власти вечного приближения дальнего, которое, как горизонт, никогда не становилось ближе.

Белорусская культура всегда грезила не о далеком, но о близком, осознавая значимость «тутэйшасці», сопрягая свое неторопливое движение во времени и пространстве с чувством меры, здравого смысла, избегая крайностей, тяготея скорее не к революционному, а эволюционному пути развития, проявляя заботу не о глобальном, но о локальном, конкретном, местечковом, утверждая локально-коллективистское «я».

Но это близкое, такое притягательное и родное, оказывалось нередко очень далеким, неподвластным адекватному решению. Реальная история складывалась таким образом, что белорус, словно волею злого рока, постоянно отдалялся от родного языка, духовного наследия, родной земли, которая всегда рассматривалась как базовая точка опоры.

*А дзе ж той выхад? Дзе збаўленне
З няволі цяжкай, з паланення?
Адзін ён есць: зямля, зямля.
Свой пэўны кут, свая ралля:
То – наймацнейшая аснова
І жыцця першая ўмова.*

Якуб Колас

Белорусская культура в XXI веке. Исследование данной проблемы позволяет сделать следующие выводы: в процессе исторической динамики в рамках белорусской культуры было актуализировано пять базовых моделей развития: природоцентрическая, отражающая почитание всего многообразия природного мира; землецентрическая, тяготеющая к культу плодоносящих сил земли, возделываемой человеком; христомецентрическая, нацеленная на интеграцию христианских и языческих ценностей; рационально-прагматическая как чужеродная для белорусской культуры, связанная с насаждением марксистской идеологии и радикальным разрывом как с исконно языческими, так и христианскими ценностями; утилитарно-христианский тип культуры, отражающий современную линию развития, противоборство западного и восточного.

XXI век для Беларуси ознаменовался внесением серьезных позитивных коррективов в культурно-историческое движение, которое отражает период христианского ренессанса. Получен судьбоносный шанс для независимого культурного развития. И только как уникальное, самобытное проявление духовности, в основе которого лежит синкретизм христианско-языческого (полифонического) типа эмпатии, отражающего интенцию к интеграции Единого и многообразного, Абсолютного и относительного, универсального и уникального, метафизического и природного, белорусская культура может занять свое достойное место в содружестве мировых цивилизаций. Несмотря на культурное многообразие, культура Беларуси представляет собой систему, имеющую прочное ядро. Этнический состав выглядит следующим образом: белорусов – 78%, русских – 13%, украинцев – 3%, поляков – 4%, евреев – 1%. Доля восточнославянского субстрата составляет 94%, а славянского – 98%. Конфессиональное соотношение отражено в следующих цифрах: православие – 80%, ка-

толицизм – 10%, протестантизм – 2% и 8% – остальные конфессии.

Заключение. XX век завершился внесением серьезных позитивных коррективов в культурно-историческое движение Беларуси. Получен судьбоносный шанс для реализации независимого культурного развития. Процесс национального возрождения проходит непросто. С одной стороны, возросло внимание к истории национальной культуры, восстанавливаются культурные объекты прошлого, возрождаются белорусские обряды и традиции, активизировались культурные связи. С другой стороны, в системе образования наметился процесс сворачивания гуманитарного образования, заметен отход от традиционных моральных ценностей, возрастает роль конъюнктурного подхода к решению целого ряда проблем культуры, размываются духовные приоритеты. В этих условиях заметно ослабевает работа по интенсивной инкультурации подростков и молодежи, что порождает проблему существенного отдаления их от национального ядра. Однако существующий опыт развития показывает, что только как уникальный, самобытный тип духовности, в основе которого лежит эмпатическо-практическая направленность, белорусская культура может занять достойное место в содружестве мировых цивилизаций. Вот почему в процессе формирования инновационной модели образования необходимо в полной мере учитывать эволюцию сознания белоруса, а также самобытность национального менталитета, который, к сожалению, сегодня подвержен серьезной деформации. Только в этом случае новая модель образования будет стратегически обоснованной и перспективной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев, С. М. Чтения и рассказы по истории России / С. М. Соловьев. – М.: Правда, 1989. – 364 с.
2. Соловьев, С. М. Соч.: в 18 кн. Кн. 1 / С. М. Соловьев. – М.: Мысль, 1988. – Т. 1-2. – 385 с.
3. Ключевский, В. О. Соч.: в 9 т. / В. О. Ключевский. – М.: Мысль. – Т. 4: Курс русской истории. – 362 с.
4. Федотов, Г. П. Судьба и грехи России: в 2 т. / Г. П. Федотов. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – 398 с.
5. Колас, Я. Новая зямля. Апавяданні. Казкі жыцця / Я. Колас. – Минск: ГАБТ «КниГА», 2002. – 498 с.
6. Багдановіч, М. Поўны збор твораў: у 3 т. / М. Багдановіч. – 2-е выд. – Минск: Беларус. навука, 1992. – Т. 2: Мастацкая проза, пераклады, літаратурныя артыкулы, рэцэнзіі і нататкі, чарнавыя накіды. – 432 с.

Поступила в редакцию 04.05.2012 г.